Довлатов Сергей 4.04.2001

Общая газ. – 2001 – 29 марта – 4 апр. – с. 16

Довлатова обидеть легко, а вот понять...

Так, по словам первой жены, говорил о себе писатель

Ася ПЕКУРОВСКАЯ

Ася Пекуровская – первая жена Сергея Довлатова. Они познакомились в Ленинградском университете и были вместе недолгое начало 60-х. В 73-м году Пекуровская эмигрировала в Америку, где торговала недвижимостью и писала литературоведческие труды. Книга «Когда случилось петь С.Д. и мне» (по мысли автора, название рифмуется с пастернаковской строкой «Когда случилось петь Дездемоне»), отрывок из которой мы публикуем, была закончена в 98-м году, но только в мае этого года увидит свет в России. Ее выпускает издательство «Симпозиум» (С.-Петербург – Москва) с предисловием Валерия Попова.

Печатается с сокращениями.

– Вы слышали, Довлатов умер?
– Интересно, зачем ему это понадобилось?

Колесо без верха и без низа

Будучи человеком застенчивым с оттенком заносчивости, к концу третьего семестра в Ленинградском университете, то есть к декабрю 1959 года, я не завела ни одного знакомства, исключая, пожалуй, некий визуальный образ гиганта, идущего вверх по лестнице вестибюля университета в сопровождении хрупкой, бледнолицей шатенки, чьи светлые глаза и тонкие, укоризненно поджатые губы робко выглядывали из-под гигантового локтя, монолитно и рука в руку влекущего их за собой. Было очевидно, что сопровождение гиганта, Мила Пазюк, возникло там не по воле случая слепого, а по предопределению свыше, и они оба прекрасно вписывались в сюжет «влюбленная пара», привлекая всеобщее внимание и сами ни в ком не нуждаясь.

Вероятно, картина суверенного великана так засела в моем воображении, что, когда я услышала вопрос, адресованный явно ко мне: «Девушка, вам не нужен ли фокстерьер чистых кровей?» и увидела Сережино участливое лицо, я охотно и поспешно откликнулась: «Фокстерьер у меня уже есть, а вот в трех рублях сильно нуждаюсь». Моментально мы почувствовали себя уже давно знакомыми людьми, и Сережа пригласил меня к себе домой: покормить и познакомить с мамой – по-кавказски, но на Сережин манер, то есть в соответствии с ритуалом, о котором расскажу позже. Заручившись моим согласием, Сережа начал было спускаться по лестнице, как вдруг, то ли под бременем свободы как осознанной необходимости, то ли, наоборот, поддавшись самой этой необходимости, отвергающей свободу, он вспомнил об академической задолженности по немецкому языку, срок которой истекал в соседней аудитории в пандан с течением нашей беседы. (...)

«Видите ли, – решился на признание Сережа, – тут есть одно досадное, хотя и не непредвиденное обстоятельство: у меня с немецким языком живого контакта так и не состоялось, как, впрочем, и с любым другим иностранным языком. Я имею в виду, в рамках университета. (Сережа учился тогда на финно-угорском отделении.) «А за рамками?» – спрашиваю я. – «Тоже нет». «На что же вы надеетесь?» – поддерживаю беседу. – «Честно говоря, ни на что, хотя я, при прочих скромных способностях и ординарной внешности, обладаю незаурядной памятью. При благоприятном стечении обстоятельств мне не составит труда удержать в памяти содержание этой книжки (откуда-то извлекается роман Германа Гессе). Однако не буду вводить вас в заблуждение, утверждая, что моя память беспредельна: все будет бесследно утрачено в момент, когда зачет окажется в книжке».

«Чего же вы ждете?» – решаюсь я на своего рода мнение. –«Подходящего момента... Скажем, попадись мне сейчас Абелев или Азадовский, готовые исполнить свой товарищеский долг перед Довлатовым и перевести прозаика Гессе на доступный Довлатову, то есть общечеловеческий язык, буду считать, что момент наступил. Тогда не пройдет и получаса, как я окажусь в вашем распоряжении... (Тут Сережа делает паузу.) Разумеется, при условии, что вы согласитесь провести эти полчаса здесь (взгляд падает на угол деревянной скамьи университетского вестибюля) в тоскливом ожидании меня».

Зная немецкий язык в степени, достаточной для перевода Сережиного текста, я предложила свои услуги, которые были приняты с благодарностью человека, у которого в последнюю минуту раскрылся парашют. Сережа внимал моему переводу и следил за текстом с таким напряжением, как если бы он взялся проглотить себе подобного гиганта. Полчаса спустя он появился, помахивая зачеткой, и с улыбкой победителя бросил: «Вот так. Нам поставили зачет. В наше настоящее ваш вклад оказывается первым. Люблю быть в долгу». Хотя все происходило на моих глазах, поверить в то, что некая китайская грамота, коей был для Сережи, согласно его версии, немецкий текст, могла быть перенесена на камертонных вилках слуха из одной комнаты в другую, как нота «ля», было выше моих сил. Угадав причину моего недоверия («А что, если он знает немецкий язык не хуже меня?»), которое, по-видимому, застыло на моем лице, Сережа сказал: «Разве я вас не предупреждал, что обладаю феноменальной памятью? Чтобы поспеть за мной, вам может понадобиться золотая колесница». (...)

Сережин аттракцион обычно начинался с воспроизведения по памяти шестнадцати строчек незнакомого ему рифмованного текста, немедленно протягивавшегося ему из разных рук и исполнявшегося в первозданности оригинального звучания. Одаренный «повсердно», ничуть не смущенный всеобщим восторгом публики, Сережа тут же выражал готовность побеседовать с аутентичным носителем любого языка без вмешательства переводчика. Ему приводили аборигенов всех континентов: американцев, европейцев, австралийцев, которых предупреждали, что им предстоит встреча с человеком, посвятившим жизнь изучению их родного языка и культуры. Сережа немедленно вступал с ними в разговор, начиная что-то объяснять быстро, почти скороговоркой, без пауз, завораживая эффектом звучания, не уступавшим эффекту спиритического сеанса. Русская аудитория слушала его, как слушают романсы Вертинского, уносящие вас «туда, где улетает и тает печаль, туда, где расцветает миндаль», в то время как оторопевший иностранец, не готовый к спонтанному соучастию, покорно держал улыбку восхищения на страдальческом лице. (...)

Когда кто-то восхищенно сказал Сереже: «Боже, какая у тебя поразительная память!» – Сережа бросил небрежно: «При чем тут память? У меня всего лишь абсолютный музыкальный слух. Получил по довлатовской линии. От матери».

Самая странная особенность

– Девушка, вглядитесь в мои голубые глаза. Вы в них найдете вязкость петербургских болот и жемчужную гладь атлантической волны в час ее полуденного досуга. Надеюсь, вы не взыщете, если не найдете в них обывательского добродушия? Обладая незаурядным ростом и феноменальной памятью, скажете вы, мужчина может поступиться добродушием. Девушка, вы заметили, как темнеют мои глаза в момент откровенных признаний?

Такого типа монологи, адресованные будущим и прекрасным незнакомкам, произносил Сережа в часы будничной трапезы, выдавая их мне, при этом жадно предвкушая другие подиумы на обруче вселенской орбиты. Однако в каждый знак препинания, в каждое новое слово, включенные в монолог, Сережа верил свято, ибо они-то и были святой правдой его обреченной на мечту молодости.

Хотя свой джентльменский набор Сережа выдавал сразу, при первом же знакомстве, особенно если хотел произвести впечатление, в чем никогда не отказывал себе, а тем более собеседнику, в силу то ли логического, то ли астрологического баланса опасность разочароваться в нем впоследствии тоже оставалась ничтожно малой. В своем графическом обличии Сережа был одарен удивительной диспропорциональностью. Короткое туловище плотно сидело на гигантских ногах, отмерявших шаги вверх по просторной университетской лестнице, а позднее вдоль перспективы Невского проспекта, с точностью землемера. При этом короткие, детские ручки его либо утопали в мелких карманах уникального в своей единственности твидового пиджака, либо беспомощно и бездельно повисали в воздухе.

Однако Сережа справедливо избежал репутации бездельного человека. О его каждодневных и систематических занятиях с достоверностью и красноречиво свидетельствовали как его натруженный указательный палец правой руки (хотя по анкетным данным он должен был быть левшой), так и зависенцы на каждой фаланге. Человеком беспомощным его также нельзя было назвать, хотя в этом его личной заслуги было уже меньше. Не без тайного кокетства и гордости Сережа любил посетовать, с какой великодушной щедростью его мама, Нора Сергеевна, распоряжалась его мужскими ресурсами. «Ну какие грузчики! Сережа вам этот шкаф сегодня же доставит. По какому адресу? Записываю». «Нина Николаевна, милая моя, забудьте о ваших чемоданах. Сережа после занятий забежит к вам и поднесет их к перрону».

Неявно и в соответствии с им насаждаемыми законами вкуса Сережа гордился собой и своим ростом, легко носил свой вес даже когда сильно отяжелел, и сам больше, чем что бы то ни было, служил материалом для своего мифотворчества. Например, он любил рассказать, как при виде его ступни сорок седьмого размера, шагнувшей внутрь обувной лавки, продавщицы умирали от восхищения и сострадания, восхищаясь магической цифрой 47, о существовании которой дотоле не подозревали, и сострадая от сознания безнадежности его поиска. Между тем ботинки этого размера поступали к Сереже, хоть и слегка поношенными, но зато от самого Черкасова, который предварительно хаживал в них по сцене Пушкинского театра, представляясь то Иваном Грозным, то Александром Невским, и с семьей которого Сережина мама издавна приятельствовала. При этом трофей выставлялся на стол, протираемый рукавом уже упомянутого единственного пиджака из твидовой материи, и Сережа ревностно следил за тем, чтобы каждый из гостей в полной мере поучаствовал в ритуале всеобщего любования. (...)

«Но в чем он истинный был гений...» – говаривал когда-то адвокат другого питерского повесы, к довлатовскому ремеслу вовсе не причастного. (...). Однако(...) и тот, и другой, можно сказать, для звуков жизни не щадили. Сережа, например, любил во всем насаждать свой «канон», разумеется, не библейский и даже не отпевальный, а скорее грамматический. Стоило Ане Крот неосторожно обмолвиться словом «сложен», с ударением на первый слог, вместо «сложён», на нее с двухметровой высоты уже обрушивалось с укоризной: «это дрова сложены, а человек сложён». (...)

Он подходил к жертве осторожно, с кошачьей мягкостью восточного диктатора, и начинал издалека. С грузинским акцентом, который он умел имитировать виртуозно, жрец-Сережа выговаривал, любовно заглядывая в мерцающие предзакатным блеском глаза своей жертвы: «Зачем обижаешь? Мы тут все князья. А ты как сюда попал? ЗаблудЫлся что ли?»(...)

Свои жреческие функции Сережа выполнял, как и все жрецы, за семейным и родовым столом, где традиционно совершались обряды еды и питья, так сказать, «смазывание крови», которое, на манер всякого тотема, обращало чужаков в друзей-кунаков. На завершение одного такого обряда не хватило всей Сережиной жизни. В году эдак 1961-м кто-то из сидящих у нас за столом затребовал тарелку с творогом, произнеся слово «творог» с ударением на первом слоге. С неизменной педантичностью Сережа внес поправку, передвинув ударение на конец. «Вы, наверное, имели в виду творог»? Уличенный снял с полки орфографический словарь и, найдя нужное место, пригласил Сережу засвидетельствовать узаконенное грамматикой альтернативное произношение слова «творог» с ударением либо на первом, либо на втором слоге. Не умея капитулировать, Сережа пробурчал что-то себе под нос, что звучало примерно так: «Хотел бы я услышать, как императрице Марии Федоровне предлагают «творог» на завтрак вместо творога». (...)

Щедро одаренный природой от рождения, Сережа даже в своем обличии жреца избежал жреческого апломба, ибо, в соответствии с тогдашней модой, пренебрегал природными данными и ценил то, чего не имел, например, личное упорство, спортивные достижения, успех и образованность. Впоследствии, когда на горизонте стало маячить почетное место в иконостасе литературных гениев и когда кропотливая работа над созданием собственного имиджа стала делом литературного долга потомству – детям и внукам, а долги Сережа привык отдавать – пригодился и жреческий апломб: «Если обнаружите у Лермонтова строчку ничтожного значения, я буду абсолютно раздавлен. А если уж долю безвкусицы, то я откажусь от намерения эмигрировать и остаток дней (дней восемь) посвящу апологетизации безвкусицы», – писал Сережа Елене Скульской.

Шелковая ткань интриги

Годы службы отечеству, возможно, оказав неплохую службу отечеству, необратимо наделили Сережу чувством собственной обреченности. Он как-то разом и по-светски погрубел, стал неопрятен в отношениях и сильно пристрастился к алкоголю. («Чем сильнее была угнетена моя плоть, тем нахальнее резвился дух».) В нем появилась смекалка, свойственная людям, умеющим бойко протиснуться сквозь толпу. Он возродил прежнюю любовь к театру и массовым зрелищам, распахнул двери своего балаганчика «для веселых и славных детей», возродил клоунаду и, казалось, делал все для того, чтобы добиться утраченной популярности жреца и распорядителя жертвенной плоти. И что же? Посмертно он оказался занесенным в послужной список избранных имен – Виктора Гюго, Александра Вертинского и кого-то из Рокфеллеров, получивших, как и он, последнее в жизни причастие из рук очередной любовницы.

Но был ли Сережа Дон Жуаном? А был ли Дон Жуан, персонаж той пьесы Тирсо де Молина, тем лицом, за которого его принимают, скажем, в англоязычной культуре? В одиннадцатом издании энциклопедии «Британника», например, о нем, как о персонаже, вообще ни полслова, лишь одно упоминание о «матерщиннике и сексуальном извращенце». Что за вздор! – воскликнет на это российский читатель, возможно, вкупе с немецким, и начнет в четыре руки листать двадцать первый том Брокгауза и Ефрона, того самого, что издавался и в Лейпциге, и в Санкт-Петербурге. Да мы за Дон Жуана грудью постоим. Он есть наш национальный герой, так сказать, альфа и омега нашего мужского достоинства. Он же «аристократ». Кто не любит аристократов? Он смельчак и весь в похождениях, причем, прошу заметить, «безнаказанных». (...)

«Я, например, узнал от него, – пишет товарищ нашей юности, поэт Дима Бобышев, о котором еще речь впереди, в «Независимой газете» за 1996 год, – что одна замужняя дама, известная мне, хороша с ним. И другая тоже. Назывались имена, причем при свидетелях; упоминались детали. А ведь и сам он был женат уже вторым браком, имел ребенка... Все-таки понять его было сложно: зачем он так позорил своих подружек, раскрывая секреты их похождений? Для утверждения своего мужества? Или – чтоб раззадорить слушателей?»

«Довлатова обидеть легко, а вот понять....» – вспоминаем мы давно забытый афоризм, «сложно», предсказывал нерадивым потомкам Довлатов. «Сложно», отозвался эхом Дима Бобышев, друг юности. Да и жизнь сложна. Помню, едва появившись на пороге, Сережа, под тяжестью сложной жизни, вынимал записную книжку (не ту ли, что его вдова напечатала вкупе с чеховской?) и занимал позицию около телефона. Звонок. Ожидание. Любезный разговор на тему. Имя. Демонстрация атрибутов, то, се. Напрашивание в гости. Подхихикивание, мол, со всем согласен. Ну, разумеется, к замужним. А вы что подумали? Да-да, с рекламной заявкой, не иначе как по формуле: «ужин-завтрак». Вот, а чуть трубку на рычаг, не упустит случая повеселить публику подробностями. Ведь публике, как известно, давай подробности. Вот он им и давал. Коли есть подробности, чего их беречь, когда можно дать. Да и почему бы не дать? Хотя бы даже безвозмездно. Любил Сережа безвозмездность. Не сродни ли она безнаказанности? Если задуматься, ты мздишь и мздишь, она как воду в рот набрала. Не дает ответа. Значит, согласна. Кто она? Да публика же. Страсть как любил Сережа публику.

«Любовь, – писал Довлатов в записной книжке, – это или остаток чего-то вырождающегося, бывшего когда-то громадным, или же это часть того, что в будущем разовьется во что-то громадное, в настоящем же оно не удовлетворяет, даже гораздо меньше, чем ждешь». (...)

Но ведь безнаказанность и есть наказание, так сказать, преступление и наказание в одном действии. Потому-то от безнаказанности всего муторнее на душе. Сами посудите.

Звонит мне Сережа однажды и приглашает себя в гости.

– У меня уже есть гости, – отвечаю ему, – приходи в другой раз.

У меня в гостях была подруга, Лариса Хорошайлова. Через некоторое время звонок в дверь. Сережа.

– Я же тебя просила прийти в другой раз, – говорю я через дверь, придерживаемую цепочкой.

– Я пришел по важному делу, насчет кольца.

– Какого кольца?

– Восточного образца, золото с малахитом...

– А при чем тут я?

– Я принес его тебе в подарок. Жена ты мне или нет.

Захлопываю дверь. Через несколько минут опять звонок. Сережа. Опять уговоры. Лариса делает мне знаки: да пригласи его, какая разница. Сережа появляется, демонстрирует кольцо, звонит известной нам знакомой женщине и вскорости уходит, оставив кольцо Ларисе для передачи мне. Утром, чуть свет, звонит опять. Робко просит кольцо назад. Я вешаю трубку. Проходит время. Мне в окно подбрасывается записка, дескать, вчерашнее предназначение кольца для сдачи в ломбард не утратило актуальности, хотя вчера можно было им поступиться, так как сгорал от любопытства узнать, кто был у тебя в гостях. В той же записке и тем же путем, то есть через окно, я вернула кольцо владельцу.

Ну, так что же? При чем здесь безнаказанность? То-то и оно, что, с одной стороны, произошло все так, как того желал сам Сережа. Однако, с другой стороны, хотелось бы узнать, удалось ли ему сохранить в неприкосновенности свое «миросозерцание», которое так сильно котировалось в его системе ценностей? С каким, продолжаем допытываться мы, «миросозерцанием» ломился Сережа в закрытую дверь, пытаясь просунуть плату за вход, которой он не располагал и которая подлежала немедленному востребованию? И не в том ли заключается безнаказанность, что понятие «платы за вход» оказалось беззаконно обесцененным? Но чем же был вознагражден Сережа? Признанием своей безнаказанности?

Возможно, и им. Однако более, чем признания, Сережа ждал, желал освобождения от комплексов ранней юности, которое сам заключил в кольцо нибелунговой мести. Как известно, признание как раз пришло, подоспело, хоть и к самому что ни на есть разбору шапок, но вот освобождение оказалось мнимым, как мнимым оказался тот маяк надежды, мстительно построенный в башне своего убежища бароном фон Штернбергом, которого когда-то обидел император Павел. И если барона-жертву ждала в конце жизни гильотина, то Сережа вкусил все привилегии жертвы, начиная с всепрощения, которое пришло посмертно и в первую очередь от тех, кому были известны пределы Сережиной безнаказанности, культивируемой при жизни.

«С детства Довлатовым был усвоен неписаный код благородного человеческого поведения, – писал Игорь Ефимов («Неповторимость любой ценой»). – И каждый раз, когда близкие нарушали его, он страдал. Не меньше страдал он и тогда, когда сам нарушал его. Никакие уговоры друзей, никакие уверения в том, что близкие относятся друг другу и к нему гораздо снисходительнее, что они любят и восхищаются им таким, какой он есть, не помогали. «Я не хочу вступать в ваш клуб, если он готов принять меня – таким, как я есть, – в свои члены».

Возможно, что индульгенции всепрощения циркулировали, наряду с прочими грамотами и деноминациями золотого фонда, уже при жизни Сережи и, разумеется, не без его непосредственного участия. Более того, его вера в собственную безнаказанность могла как раз оказаться функцией от числа накопленных индульгенций.

Однако «сознательное зло» причиненных Сережей «бед и расстройств» по необъяснимой случайности всегда оказывалось уравновешенным чем-то другим. Ведь Довлатов был грешником раскаявшимся. Он ведь страдал, как, впрочем, и Дон Жуан. Он «в самом деле страдал».

«Он погружался в хитросплетения взаимоотношений своих знакомых с вожделением почти патологическим, – пишет Петр Вайль, – метастазы тут бывали жутковатые: погубленные репутации, опороченные имена, разрушенные союзы. Не было человека – без преувеличения, ни одного, даже среди самых родных и близких, – обойденного хищным вниманием Довлатова. Тут он был литературно бескорыстен. Впрочем, как почти все доморощенные интриганы, Сергей был интриганом простодушным: ему больше нравилось мирить, чем ссорить... Он на самом деле переживал, по-кавказски непомерно, неурядицы близких и даже дальних, иногда искренне забывая о том, что сам был причиной бед и расстройств». (...)

Понятно, почему Сережина способность всех простить, умерщвляя, и, умерщвив, соединить и примирить, трансформируется в потребность. Жреческие функции есть осуществленная мечта присвоить себе все, чего нет в наличии, стать всем, при этом убедив всех, что ты и есть все то, за которое себя выдаешь. К Довлатову-жрецу идут на заклание прежде всего те, которых он уже принес в жертву. Договор-поединок жреца и жертвы становится договором двусторонним. Жрец есть соучастник жертвы, а жертва – помощница жреца.

«Однажды я его обидел, – кается Игорь Смирнов-Охтин. – Справедливо. Хотя обижать не стоило. Пригласил на вечеринку... Публика – технари, мышление – клишированное. Довлатов – прима застолья, и все ему в рот смотрят... Сергей расслабился, упустил поводок, и разговор без его присмотра сбился в обыденность... Сергей... в благородном порыве... назвал собравшихся «бухгалтерами», что из всего затем сказанного оказалось не самым обидным...

Через несколько дней... эта громада встала передо мной и сказала: «Игорь, я хочу принести вам и вашим друзьям свои извинения!..» И тут я сказал: «Бросьте переживать, Сережа! Вы были такой незаметный»... Лицо Сергея Донатовича исказилось такой болезненной судорогой, и хотя он мужественно попытался сохранить спокойствие, но с оторопью не справился и ретировался в полной растерянности».

Когда мы были молодыми...

Общая газета

Главный редактор номера: Юрий СОЛОМОНОВ
Газета зарегистрирована в Мининформпечати РФ 20 августа 1991 г. Рег. № 1054
© Общая газета. Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, **ссылка на «ОГ» обязательна**
Правовое обслуживание газеты осуществляет Адвокатское Бюро «Резник, Гагарин и Партнеры» МГКА

Дизайн-макет: Семен ЛЕВИН, Борис МИРОШИН
Арт-директор: Андрей МАЛЬКОВ
Отдел рекламы: Тел.: 915-75-23. Т/ф: 915-26-06, e-mail: lvov@og.ru
Отдел маркетинга: Тел.: 915-53-81
Связи с общественностью: Валерия ГАЛЛАЙ, Зоя ВОЛОВЕЦ Тел.: 915-70-40, e-mail:pr@og.ru

Вёрстка компьютерного центра «Общей газеты»
Технический директор Валерий МАКАРОВ

П.Р. *С этим знаком, а также в рамках публикуются пресс-релизы, информационно-коммерческие материалы. Редакция не несет ответственности за содержание рекламных текстов*

Отдел распространения: Александр РЕБРИК. Тел.: 915-53-89
Общий тираж «ОГ» – **224538 экз.** (региональный – 165000 экз.)

Цена свободная
Розничное распространение в Московском Метрополитене Группа компаний «ПАБЛИК ПРЕСС» в С.-Петербургском Метрополитене ООО «МЕТРОПРЕСС»

Отпечатано в ОАО ПО «Пресса-1», 125865, ГСП, Москва-137, ул. Правды, 24

Номер подписан в печать 28.03.2001 г.
Заказ 766. 1 2 3

Наш подписной индекс: 32138

Адрес редакции: 109240, Москва, ул. Гончарная, д. 1. **Справки по телефону:** 915-22-88; факс 915-51-71, **e-mail:** secretar@og.ru. **Электронная версия «ОГ» в Internet: www.og.ru** (а также в базах данных www.park.ru; www.nns.ru; www.integrum.ru; www.russianstory.com). **Адрес «Гостиной «ОГ»:** 121151, Москва, Кутузовский пр., д. 22

Редакторат: Дмитрий ДОКУЧАЕВ, Владимир КИСЕЛЕВ, Анатолий КОСТЮКОВ, Юрий ПАТРИН, Елена РЫКОВЦЕВА, Мария СЕДЫХ, Юрий СОЛОМОНОВ, Егор ЯКОВЛЕВ, Виталий ЯРОШЕВСКИЙ. **Дирекция выпуска:** Елена БОГОМОЛОВА, Евгений СЕМЕНОВ, Светлана КАРТАШЕВА (корректура).
Руководители направлений: Елена КОКУРИНА (наука), Наталья КРАМИНОВА (этика), Илья МЕДОВОЙ (мировоззрение), Игорь НАЙДЕНОВ (право), Марина ТОКАРЕВА (редактор «ОГ»-Петербург), Елена УСОВА (информационное обеспечение), Дмитрий ФИЛИПЧЕНКО (спорт), Борис ЮНАНОВ (международная жизнь). **Обозреватели:** Бахтияр АХМЕДХАНОВ, Олег ВЛАДЫКИН, Екатерина ГЛЕБОВА, Максим ГЛИКИН, Ирина ДЕМЕНТЬЕВА, Елена ДИКУН, Виктор ЛИТОВКИН, Ирина ПЕТРОВСКАЯ, Альберт ПЛУТНИК, Юрий РОСТ, Борис СИНЯВСКИЙ, Елена ТОКАРЕВА, Юнна ЧУПРИНИНА.
Представители за рубежом: Эльмира АХУНДОВА (Баку), Сергей БОРИСОВ (Алма-Ата), Павлюк БЫКОВСКИЙ (Минск), Наталья ГОЛИЦЫНА (Лондон), Владимир ГОЛОВИН (Иерусалим), Лариса ДЯЧУК (Киев), Наталья ЛОПАТИНСКАЯ (Вильнюс), Федор РЮРИКОВ (Прага), Алексей СЛАВИН (Берлин), Армен ТИГРАНЯН (Ереван), Борис ШЕСТАКОВ (Будапешт).
Исполнительный директор Наталия КЛОЧКО. **Финансовый директор** Елена ПАНОВА. **Директор по развитию** Елена РЫМКО.

225

– = 123456